

Елена Миронова

ИНАЯ #ИЗНВ

ШЕКСПИР FOREVER

[ГАМЛЕТ]

Как холодно! и ветер резкий дует...

У. Шекспир. Гамлет

как холодно и ветер нынче зол
я сам себя как поле перешел
[но вышел мимо]

найдя закут в дурной моей башке
безумие там руту рвет в тоске
[необъяснимой]

светило разминает свой кадык
отчизне намечается кирдык
[из всех орудий]

здесь даже воздух до костей прогнил
Офелия скребет с ракушек ил
[сбежав отсюда]

мой бедный Йорик нам так не свезло
нас будет жизнь выкусывать как блох
[ежеминутно]

приговорит пожизненно к шестку
альцгеймеру бобруйску и прыжку
[без парашюта]

•
ты лодкою ушедшая на дно —
ни имени, ни черт не вспомнить даже:
так кислород, продернутый в окно,
становится и светом, и пейзажем
и тянется обратно — в облака,
где ангел (про)ступает в каждом встречном,
где ты в меня впадаешь, как река,
и оживаешь — воздухом и речью...

•
и пока нас (незрячих) Господь не снимает с огня
и пока поспекает черешня и бродит в зрачках
ты меня обними обмани и забудь про меня
променяй пронеси мимо рук в непослушных руках

и пока нас крадет друг у друга пернатая речь
(онемевших) ведет за три моря чернея лицом
обо мне помолчи не умея как прежде сберечь
то что сказано было когда-то небесным Отцом

и пока в нас (оглохших) течет неживая вода
словно камни морские серебряный слух обточив
ты бессмертную птицу поймай в обгоревших садах
и черешней с руки накорми и с собою сличи

ПОЛЕТЫ ВО СНЕ И НАЯВУ

Ты испуг и больница, в которой врачи
заблудились в осоке бессонниц подробных.
По углам димедрола расселись грачи.
Обнажили потемки подгнившие ребра.

Спотыкается взгляд, не умея совпасть
пусть хоть краем одежды с небесной обложкой,

и бросает пространство в бездонную пасть
непрочитанных бабочек хлебные крошки.

Надвигается время. Разбухшим веслом
неуклюже цепляет за жабры окрестность —
и летит серебро чешуи на стекло,
и от звезд в твоём взгляде становится тесно.

Их одну за другой подбирают грачи,
воровато уносят в раек карандашный,
где над телом твоим наклонились врачи
и колдуют... колдуют... и больше не страшно.

•

Стихают улицы. Мелеет двор.
Дом приглушает запахи и звуки.
Выходит ночь в ослепший коридор
и в пустоту протягивает руки.
Ей, бесприютной, так же как и мне,
сейчас не спится. И в глубокой тьме
пытаясь дно нащупать осторожно,
она едва касается лица —
и я вдруг понимаю до конца,
как одиноко ей и как тревожно.

Обрушиваясь с верхних этажей,
зима теряется в домашнем хламе.
Стеклянных звезд безвкусное драже
бездомно лепится к оконной раме.
Сгорают рукописи — из золы
выклеывая зерна горькой мглы,
ночь сходство обнаруживает с птицей,
захоронившей в чернозем крыла
полмира и ко мне на край стола
присевшей —
терпкой музыки напиться.

•

(памяти мамы)

Останься. Задержишься хотя б на день!
Позволь... позволь т а к о й тебя запомнить:
ты утром платье новое надень
и свет впусти бродить по дебрям комнат.

Забудь, как плачут яблоки во сне,
подернутые близостью паденья,
о том, что время, спящее на дне,
вот-вот проснется и за нить заденет.

И оборвет. И выступит, едва
недлинным холодком дохнув на спины.
Опустит сад пустые рукава
в промерзшую глухонемую глину.

Останься... — в этом платьеце простом
шагнувшая навстречу мне из круга,
как будто нет ни д а л ь ш е, ни п о т о м,
а есть лишь мы, обнявшие друг друга.

•

...А в комнате иная жизнь текла:
к лицу склонялась лампа близоруко,
и ночь, где больше не было ни звука,
плыла по обе стороны стола,
задумавшись о чем-то о своем
и не касаясь ни рукой, ни взглядом.
Мы с безупречной тишиной, вдвоем,
неразделенные — очнулись рядом.

Качался свет на тонком стебельке,
к нему тянулось — прорастая — Слово,

и тишина, припавшая к щеке,
была уже не более чем повод
открыть окно, бессонное, и стечь
на дно травы, и ощутить под кожей
желание врасти всей кровью в речь —

и первый звук вдохнуть неосторожно.